
Книга III
Тонкая грань
ФЭНТЕЗИ · ДЕТЕКТИВ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Милена Харламова
Тонкая грань

https://litres.ru/74734463
SelfPub; 2026

Аннотация

Сага "ХРОНИКИ ТОНКОЙ ГРАНИ"

Что, если твои воспоминания — не вся правда? Если прошлое можно переписать, память изменить, а реальность заставить выглядеть совсем иначе?

Всё начинается с загадочного Дома, которого нет на городских картах. Мильхара переступает его порог и оказывается втянута в цепь мистических событий, ведущих к тайным архивам, забытым историям и Палимпсесту — системе, способной влиять на человеческую память и восприятие мира.

Постепенно открывается пугающая истина: тот, кто контролирует информацию, может управлять тем, во что верят люди, что помнят и какие решения принимают.

Пять книг, полных загадок, неожиданных открытий, магии и опасных выборов, проведут вас по тонкой грани между правдой и иллюзией.

Это история о тайнах, которые лучше не знать, и истине, за которую придётся бороться. О свободе мысли, силе выбора и праве каждого человека самому определять свою жизнь.

А если реальность не такая, какой ты её помнишь, готов ли ты узнать правду?

Содержание

Пролог. За пределами видимого 6
Глава 1. Карта, которой не должно быть 15
Глава 2. Город с двумя датами 33
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Милена Харламова
Тонкая грань

Пролог. За пределами видимого

Первое расхождение обнаружили в книге, которую никто не открывал почти сорок лет.

Она хранилась в нижнем помещении старого городского архива, за шкафом с регистрационными журналами. Переплёт рассохся, металлические застёжки покрылись тёмным налётом, а на страницах местами проступили следы влаги. Книга не считалась редкой. В каталоге её обозначили как копию местной хроники, составленную в конце прошлого века.

Никто не ожидал найти в ней что-то важное.

Пока однажды архивист не решил сверить дату основания города с записями о строительстве первой переправы.

В хронике утверждалось, что поселение возникло после большого наводнения. Люди покинули низину, где стояли их прежние дома, и обосновались выше по течению. На полях сохранилась заметка о первых строениях, поставленных у старой дороги.

В другом документе говорилось о пожаре.

Согласно этой версии, первые жители пришли в долину после того, как огонь уничтожил несколько поселений в соседнем крае. Они построили дома на месте заброшенной заставы и постепенно превратили временное убежище в постоянный город.

Обе истории были известны местным жителям.

Обе пересказывали детям.

И обе считались правдивыми.

Проблема заключалась в датах.

Наводнение, согласно архивным записям, произошло в один год. Пожар — одиннадцатью годами позже. Однако в официальных документах оба события обозначались как основание одного и того же поселения. Не возникновение нового квартала, не расширение границ, не повторное заселение после разрушения — именно основание.

Архивист решил, что перед ним обычная ошибка переписчика.

Он запросил более ранние копии.

В первой нашлась та же дата, что и в поздней хронике. Во второй дата отличалась на одиннадцать лет. Третья содержала обе, но относила их к одному событию. В четвёртой отсутствовало описание наводнения, зато упоминался пожар, которого не было ни в одной из двух предыдущих записей.

Это ещё не доказывало вмешательства.

Старые документы копировали с ошибками. Даты могли пересчитывать по разным календарям. Названия событий менялись. Иногда жители называли основанием города первое поселение, иногда — строительство укреплений, иногда — день, когда община получила право собираться на собственном рынке.

Архивист знал всё это.

Поэтому он не стал сообщать о загадке в городскую управу и не написал сенсационную статью. Он составил список источников, заказал копии строительных журналов и отпра-

вился осматривать старую переправу.

Там обнаружилось первое материальное противоречие.

В камне у основания опоры сохранилась дата, которая соответствовала версии о наводнении. Но в слое кладки, обнаруженном ниже, находились остатки деревянного крепления, изготовленного значительно позже. Само по себе это могло объясняться ремонтом. Подобные конструкции перестраивали десятки раз.

Однако рядом нашли обломок керамики с клеймом мастерской, существование которой относилось к периоду после предполагаемого пожара.

Керамика не подтверждала ни одну из историй полностью.

Она лишь показывала, что разные этапы строительства могли быть объединены в один рассказ.

Архивист вернулся в хранилище и разложил копии на столе. Он отмечал совпадения одним карандашом, расхождения другим, а сведения, которые невозможно было проверить, обводил тонким кругом.

Постепенно стало ясно, что проблема заключалась не только в двух датах.

В одних источниках среди первых жителей значились местные семьи, спасавшиеся от воды. В других — переселенцы, пришедшие после пожара. В некоторых документах присутствовали имена людей из обеих групп, но их родственные связи не совпадали. Одна хроника называла их братья-

ми. Другая утверждала, что они встретились лишь спустя несколько лет. Третья не упоминала их вовсе.

И всё же каждая версия содержала детали, подтверждавшиеся независимыми материальными следами.

Это было хуже, чем обычная ошибка.

Ошибка могла объяснить одну неверную дату или одно имя. Она не объясняла, почему разные документы сохраняли отдельные достоверные фрагменты, но связывали их несовместимым образом.

Архивист достал чистый лист.

Он не стал писать, что история города была переписана. У него не было оснований утверждать, что кто-то намеренно менял документы, а тем более память жителей. Он записал лишь то, что мог подтвердить:

две даты основания;

два несовместимых описания первых поселенцев;

материальные следы нескольких периодов строительства;

свидетельства, подтверждающие отдельные части обеих версий;

отсутствие документа, который объяснял бы, каким образом эти части оказались соединены.

Затем он добавил ещё одну строку:

«Не выбирать между версиями до установления происхождения каждого свидетельства».

Эта запись не дала ему ответа.

Но она помешала сделать ошибку, которую уже совер-

шили составители нескольких старых хроник: превратить неполные сведения в законченную историю.

На следующий день архивист отправил запросы в два независимых хранилища. Он приложил копии страниц, описание найденных материалов и перечень вопросов, на которые не смог ответить самостоятельно.

Через неделю один из архивов прислал выписку о другом поселении, расположенном далеко от их города. Там тоже существовали две даты основания. В другом месте расходились списки людей, присутствовавших при пожаре. Ещё дальше семейная хроника описывала событие, которое официальная запись относила к совершенно иному десятилетию.

Сначала архивист решил, что это случайные совпадения.

Потом заметил, что в каждом деле повторяется одна особенность: материальные следы подтверждают отдельные элементы несовместимых рассказов, но ни один источник не позволяет восстановить целую последовательность событий.

Он сравнил даты документов, названия архивов, сведения о переписчиках и обстоятельства обнаружения. Общего автора не нашлось. Не нашлось и единой административной системы, которая могла бы объяснить все расхождения.

Оставались десятки возможных причин.

Некоторые дела могли быть связаны. Другие — возникнуть независимо. Часть противоречий могла оказаться результатом обычных ошибок, а часть — последствием намеренного сокрытия.

Архивист не знал, как различить их.

Но он понял, что не должен делать это в одиночку.

В последнем письме он не упомянул магию, тайные организации или неизвестный механизм. Он не писал о том, что кто-то управляет прошлым. Он лишь попросил коллег проверить источники и сообщить, встречались ли им сходные структуры противоречий.

Письмо ушло в независимое хранилище.

Ответа он не дождался.

Через несколько месяцев его рабочие записи оказались среди документов, происхождение которых предстояло установить другим исследователям. Никто не знал, кто сохранил копии и почему они пережили несколько переездов архива. В каталоге осталась только короткая отметка: «Материалы требуют сопоставления».

Этого было недостаточно, чтобы открыть дело.

Но достаточно, чтобы однажды кто-то обратил внимание на повторяющийся рисунок.

В другом городе, далеко от старой переправы, Лиса Дьяченко раскладывала на столе документы из независимых архивов.

Она ещё не знала об архивисте, который когда-то сравнивал две истории основания одного поселения. Не знала, что часть его записей сохранилась в чужой коллекции и однажды может попасть в её руки.

Перед ней лежали другие источники: регистрационные

журналы, семейные хроники, описания материальных находок и отчёты исследователей, которые никогда не встречались друг с другом.

Лиса не искала единую историю.

Она искала повторения, которые можно было подтвердить.

За окном темнело. Чай давно остыл. На краю стола лежал запечатанный пакет с материалами по Палимпсесту — тот самый, что поступил в архив после завершения предыдущего расследования.

Лиса пока не переносила его сведения на рабочую карту. Происхождение пакета оставалось неустановленным, а точность отдельных формулировок не доказывала достоверности всего содержимого.

Она начала с документов, которые можно было проверить независимо.

Одна отметка.

Затем вторая.

Третья.

Каждый раз Лиса сверяла номер источника, дату регистрации и сведения о человеке, который подготовил копию. Если подтверждения не находилось, отметка оставалась на отдельном листе.

Она не знала, сколько точек появится к утру.

Не знала, окажутся ли они следами одной системы, нескольких независимых вмешательств или обычных оши-

бок, которым придали слишком большое значение.

И не знала, что первая точка приведёт их к поселению, где люди уже много лет спорили о том, кто был основателем их города.

Пока у неё были только документы.

И повторяющийся рисунок, который нельзя было объяснить одним совпадением — но ещё нельзя было назвать доказательством.

Лиса поставила очередную отметку, сверилась с источником и остановилась.

На бумаге проступала структура.

Она не показывала ни центра, ни маршрута, ни имени человека, который мог бы объяснить происходящее.

Только места, в которых прошлое не складывалось в единую последовательность.

Лиса потянулась к чистому листу и начала переносить на него обозначения типов противоречий.

Работа продолжалась.

А за пределами видимого оставались истории, которые ещё никто не научился сопоставлять, не переписывая их заново.

Глава 1. Карта, которой не должно быть

Карта появилась на столе Лисы в три часа семнадцать ми-

нут ночи.

Не сама, разумеется. Бумага не умела возникать из воздуха, даже если в последнее время Мильхаре всё чаще казалось, что некоторые вещи в мире именно так и происходят: сначала их не существовало, затем они обнаруживались в чужих воспоминаниях, старых архивах или показаниях людей, которые никогда не встречались друг с другом.

Карта появилась потому, что Лиса Дьяченко уже одиннадцать часов сводила сведения из независимых архивов, а в какой-то момент поняла: таблицы больше не помогают.

Она отодвинула чашку с давно остывшим чаем, расправила на столе большой лист плотной бумаги и прижала его углы четырьмя металлическими грузиками. Потом взяла тонкий карандаш и поставила первую отметку.

Следом — вторую.

Третью она нанесла уже без проверки, по памяти, но тут же остановилась, перечеркнула точку и открыла тетрадь с выписками.

— Нет, — сказала Лиса самой себе. — Не по памяти.

Она нашла нужную запись, сверила номер документа, дату регистрации и имя архивиста, который передал копию. Только после этого поставила отметку заново.

За дверью кто-то прошёл по коридору. Доски тихо скрипнули, шаги удалились. Лиса подняла голову, прислушалась, но не позвала никого. Ей не хотелось объяснять, почему она работает посреди ночи. Не потому, что объяснение было

сложным. Напротив, оно звучало до смешного просто.

Она боялась, что утром карта перестанет иметь смысл.

Не исчезнет. Не изменится на глазах. Просто окажется, что за каждой точкой скрывается другое обстоятельство, за каждой датой — ещё одна дата, а за каждым подтверждённым расхождением — человеческая ошибка, которую кто-то когда-то принял за доказательство чужого вмешательства.

Лиса слишком хорошо знала, как легко построить убедительную картину из неполных сведений.

И слишком хорошо помнила, чем закончилась предыдущая попытка сделать это.

На краю стола лежал запечатанный пакет с материалами по Палимпсесту. Внутри находились карта, перечень мест и краткое описание повторяющихся противоречий. Документы прошли регистрацию, но пока не получили окончательного подтверждения происхождения. Никто не знал, кто собрал их вместе и почему отправитель предпочёл остаться неизвестным.

На первом листе стояло определение:

Палимпсест — не место. Это принцип повторного нанесения истории поверх предыдущей без полного уничтожения исходного слоя.

Эта фраза не давала Лисе покоя.

Она была точной, но точность формулировки ещё не доказывала истинность всего, что следовало за ней. Автор мог знать предмет. Мог знать лишь часть предмета. Мог наме-

ренно вложить в правильное определение ложные выводы.

Поэтому Лиса не стала переносить на карту ни одной точки из запечатанного пакета без отдельной проверки.

Она начала с тех мест, о которых сведения поступили раньше и независимо друг от друга.

Старый архив при монастырской лечебнице. Городской реестр на востоке, где в двух переписях один и тот же квартал значился принадлежащим разным общинам. Семейная хроника, в которой два поколения помнили один и тот же пожар, но называли разных погибших. Пограничное селение, чьё основание относили к двум разным годам. Заброшенная железнодорожная станция, которой, согласно одному документу, никогда не существовало, хотя в её здании нашли надписи трёх разных десятилетий.

Лиса ставила отметки, подписывала источники и соединяла линии только там, где связь подтверждалась не одним совпадением.

К трём часам семнадцати минутам на бумаге было двадцать семь точек.

К трём часам двадцати — двадцать восемь.

К трём часам двадцати пяти — тридцать одна.

И только тогда Лиса откинулась на спинку стула.

Она ожидала увидеть скопление в пределах одной области. Даже если прежняя сеть вмешательств была обширнее, чем предполагали герои, всё равно должны были существовать естественные границы: дороги, административные тер-

ритории, общие архивы, маршруты перевозки документов. Должен был быть хотя бы один центр, вокруг которого располагались остальные узлы.

Но карта не показывала центра.

Точки лежали далеко друг от друга. Некоторые разделяли горные хребты, другие — моря и территории, между которыми в предполагаемый период не существовало регулярного сообщения. Самые старые свидетельства относились к событиям, произошедшим более ста лет назад. Самые новые были зарегистрированы всего несколько месяцев назад.

Выглядело так, словно кто-то разбросал осколки одного зеркала по разным странам, а потом велел каждому осколку отражать другую комнату.

Лиса потянулась к линейке, чтобы измерить расстояние между двумя дальними отметками, но замерла.

На карте повторялся узор.

Не географический. Не маршрутный. Он складывался из маленьких символов, которыми Лиса обозначила характер расхождения: двойная дата, несовпадающий список присутствовавших, повторяющаяся фраза, не подтверждённое независимыми источниками событие, чужая память, закрепившаяся в семейном рассказе.

Она смотрела на эти знаки, пока они не начали сливаться в единый рисунок.

Потом достала чистый лист и переписала на него только обозначения типов аномалий, без названий мест.

Снова появились повторения.

Одинаковые группы признаков. Одинаковая последовательность: сначала расхождение в датах, затем разрыв между письменным свидетельством и семейной памятью, после него — обнаружение материального следа, который подтверждал не всю историю, а лишь её отдельный фрагмент.

В некоторых местах последовательность была нарушена. В других отсутствовал один из элементов. Но общий рисунок сохранялся.

Лиса не могла сказать, что это означало.

Именно поэтому она поднялась из-за стола, надела пальто и пошла будить остальных.

Мильхара проснулась от трёх коротких ударов в дверь.

Она открыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. В комнате было темно, только за неплотно задвинутой шторой светлела полоска предрассветного неба. На столе лежали её записи, рядом стоял закрытый футляр с инструментами для исследования магических узлов.

После событий в архивном центре она старалась не держать эти инструменты под рукой. Не из страха перед ними, а из опасения, что однажды привычное движение окажется быстрее мысли.

Она села, провела ладонью по лицу и прислушалась.

Три удара повторились.

— Уже иду.

Лиса стояла в коридоре одетая, с папкой под мышкой и

выражением человека, который либо обнаружил нечто важное, либо не спал всю ночь по совершенно бессмысленной причине.

По её лицу Мильхара поняла, что первый вариант вероятнее.

— Что случилось?

— Карта.

— Какая карта?

— Та, которой не должно быть.

Лиса произнесла это без драматизма. И именно поэтому слова прозвучали тревожно.

Через десять минут они сидели в комнате, которую группа использовала для совместной работы. Демьян пришёл первым, застёгивая на ходу ворот рубашки. За ним появилась Марфа с волосами, собранными в небрежный узел, и с небольшим блокнотом, который она теперь носила повсюду. Арден задержался у двери.

Он не вошёл, пока Мильхара не посмотрела на него и не отступила в сторону, освобождая проход.

Между ними всё ещё сохранялась та осторожная дистанция, которая возникла после его признания. Арден больше не пытался объяснять свои поступки при каждом удобном случае. Он приносил документы, отвечал на вопросы и позволял проверять свои слова наравне с показаниями остальных. Но иногда Мильхара замечала, как он начинал что-то говорить, а потом замолкал, будто вспоминал, что право ре-

шать, когда ему доверять, принадлежит не ему.

Она не знала, станет ли это началом исправления или лишь новой привычкой.

Пока она не собиралась решать.

Лиса развернула карту.

— Я собрала сведения из независимых источников, — сказала она. — Не из пакета, который мы получили девять дней назад. Эти документы проверялись отдельно. У каждого есть происхождение, регистрационный номер и сведения о том, кто делал копию. Там, где я не смогла подтвердить независимость источников, я отметку не ставила.

Демьян наклонился над столом.

— Сколько подтверждённых мест?

— Тридцать одно. Ещё семь требуют проверки, поэтому я их не нанесла.

— И что объединяет эти тридцать одно место?

— Пока не знаю.

— Тогда почему ты считаешь, что это одна карта, а не тридцать одно отдельное дело?

Лиса посмотрела на него.

— Потому что повторяются не только противоречия. Повторяется их структура.

Она положила рядом второй лист.

На нём не было географических названий. Только условные знаки и короткие подписи: «двойная дата», «разделение очевидцев», «материальный след подтверждает часть вер-

сии», «семейное воспоминание старше доступной записи», «позднее свидетельство содержит термин, отсутствующий в документах соответствующего периода».

— Вот это, — сказала Лиса, указав на три группы знаков, — встречается в семнадцати местах. А вот эта последовательность — в двенадцати. И ещё одна, менее частая, — в восьми.

Демьян выпрямился.

— Это может быть следствием одинаковой архивной практики.

— Может.

— Или распространённой ошибки при копировании.

— Может.

— Или люди могли перенимать рассказы друг у друга.

— И это тоже возможно.

— Тогда у нас нет оснований говорить о Палимпсесте.

— Я не говорю, что у нас есть доказательство Палимпсеста, — ответила Лиса. — Я говорю, что у нас есть карта противоречий, которые повторяются по одной и той же схеме. Я не собираюсь заранее решать, что они означают.

Демьян посмотрел на неё ещё несколько секунд, затем кивнул.

— Хорошо. Тогда начнём с происхождения данных. Покажи самые старые документы.

Марфа села рядом с Лисой и открыла блокнот.

— А что известно о людях, которые живут в этих местах

сейчас? — спросила она. — Не только о тех, чьи имена встречаются в архивах. О семьях, которые хранят собственные записи, о местных исследователях, о людях, которые помнят истории от родителей и дедов.

— Пока немного, — призналась Лиса. — В нескольких случаях семейные хроники противоречат официальным реестрам. Но я не стала считать это отдельным признаком вмешательства. Войны, переезды, ошибки переписчиков, смена фамилий — причин достаточно.

— И всё же, если противоречие живёт в семье, оно может сохраняться дольше официальной записи, — сказала Марфа. — Даже когда люди перестают понимать, откуда оно взялось.

— Может, — согласился Демьян. — Но память семьи тоже не является независимым источником, если её участники годами повторяют один и тот же рассказ.

— Я не сказала, что является.

— Я знаю. Я уточняю границы.

Мильхара молчала, разглядывая карту.

В ней было что-то знакомое. Не сами обозначения — они были сделаны карандашом и чернилами, без магических инструментов. Знакомым казалось расположение узлов. Она видела подобную структуру раньше, но в гораздо меньшем масштабе: в схеме, которую они нашли в конце предыдущего расследования, и в поздней версии протокола непрерывности.

Тогда узлы были связаны с конкретными свидетельствами. Здесь они находились в разных местах, между которыми не прослеживалось очевидной связи.

Она наклонилась ближе.

— Лиса, ты отмечала магические признаки?

— Только если они были зарегистрированы отдельным исследователем и описаны в документе. Я не смешивала их с архивными расхождениями.

— Покажи эти места.

Лиса достала из папки несколько копий. На каждой стояла отметка о том, что оригинал был осмотрен, а описание сверено с материалами другого исследователя.

Мильхара читала медленно.

В первом отчёте говорилось о повторяющемся контуре в стене старого здания. Во втором — о слабом узле, обнаруженном в семейном архиве. В третьем исследователь описывал не сам узел, а его след: два слоя памяти, которые соприкасались, не образуя устойчивой связи.

Она достала собственный блокнот и начала переписывать характеристики.

— Ты что-то узнаёшь? — спросила Марфа.

— Возможно. Но я пока не знаю, что именно.

— Это отличается от того, что ты обычно говоришь, когда узнаёшь узел, — заметил Демьян.

— Раньше я бы сказала, что структура похожа на знакомую. Сейчас я скажу, что некоторые признаки совпадают.

Это не одно и то же.

Арден, стоявший у стены, едва заметно повернул голову.

— Хорошее различие, — произнёс он.

Мильхара не ответила. Она не хотела, чтобы её наблюдение превращалось в разговор о том, чему он её научил и чему она научилась вопреки ему. Это не имело отношения к карте.

Она положила рядом три отчёта и провела карандашом по полям.

— Здесь похожая форма узла. Но неясно, когда она возникла. Она могла появиться до самого события, во время него или спустя десятилетия, когда кто-то пытался связать разрозненные свидетельства. Если мы назовём эти узлы одинаковыми только потому, что они похожи, мы можем повторить ошибку, из-за которой возникло предыдущее дело.

— То есть? — спросил Демьян.

— Принять сходство за происхождение.

Он посмотрел на карту.

— Тогда нам нужно место, где можно проверить несколько признаков сразу.

— Да, — сказала Лиса. — И я думаю, что знаю, с какого начать.

Она достала ещё один документ. Это была выписка из реестра небольшого поселения, расположенного далеко к северо-востоку от их нынешнего местонахождения. В названии поселения значилось одно слово — Вельск. Ниже были при-

ведены две даты основания: одна в основном реестре, другая — в приложении, составленном значительно позднее.

— Здесь противоречие затрагивает не одну семью и не одного свидетеля, — сказала Лиса. — Весь город ежегодно отмечает основание поселения. Но разные группы жителей празднуют разные даты.

— Ошибка в календаре? — спросил Демьян.

— Нет. Разница составляет одиннадцать лет.

— Тогда разные события могли быть приняты за основание.

— Именно это я и подумала. Но обе даты встречаются в документах, составленных задолго до появления нынешнего спора. И материальные следы подтверждают части обеих версий.

Марфа взяла лист.

— А что говорят жители?

— Что они не согласны не с тем, когда произошло событие, а с тем, кто при нём присутствовал. Одни считают, что первые поселенцы были местными семьями, которые спасались от наводнения. Другие утверждают, что поселение основали переселенцы, пришедшие после пожара в долине. Каждая сторона уверена, что другая присвоила себе историю города.

— А если они говорят о двух разных этапах его основания? — спросила Мильхара.

— Возможно. Но пока никто не смог объяснить, почему

в документах обе даты названы датами одного и того же события.

Демьян уже перелистывал выписки.

— Нам нужны оригиналы. И сведения о том, кто вносил исправления. Отдельно — строительные записи, семейные хроники, записи о захоронениях, если они сохранились. Никаких выводов до сверки.

— Я подготовлю запросы, — сказала Лиса.

— Нет, — возразила Мильхара. — Если мы отправим стандартный запрос, кто-то может начать готовиться к нашему приезду. Мы пока не знаем, кто в городе заинтересован в сохранении одной из версий. Лучше запросить копии из двух независимых архивов, а на месте начать с материальных следов.

Демьян поднял на неё глаза.

— Это разумно. Но нам всё равно нужно зарегистрировать поездку и цель исследования.

— Разумеется.

— И заранее определить, что мы будем считать подтверждением, а что — только совпадением.

— Согласна.

Он некоторое время смотрел на неё, словно хотел проверить, не воспринимает ли она его возражения как попытку вернуть себе контроль. Затем закрыл папку.

— Тогда ты подготовишь план исследования. Я проверю источники и организую независимую сверку. Лиса займётся

происхождением архивных копий. Марфа — местными свидетельствами и тем, как их собирать без давления на людей.

Марфа медленно кивнула.

— Я не буду обещать им, что мы восстановим правильную историю.

— Хорошо, — сказал Демьян.

— Я скажу, что мы попытаемся установить, какие утверждения подтверждаются, какие противоречат друг другу и чего мы пока не можем знать.

— Ещё лучше.

Арден оттолкнулся от стены.

— А я могу объяснить, как различать узлы, оставленные последовательными вмешательствами.

Мильхара посмотрела на него.

— Можешь предоставить материалы, которые у тебя есть. Но исследование на месте буду вести я.

Он не возразил.

— Хорошо.

Это короткое согласие почему-то оказалось труднее принять, чем спор. Мильхара ожидала, что Арден предложит более опытный способ, укажет на опасность или напомнит, что уже сталкивался с подобной структурой. Вместо этого он просто сел и начал собирать свои записи.

Она не знала, было ли это уважением к её решению или осторожностью человека, который больше не уверен, что имеет право вмешиваться.

Возможно, и то и другое.

Лиса снова посмотрела на карту.

— Есть ещё одна проблема, — сказала она. — Если эти места действительно связаны, мы не знаем, как давно возникла связь. Некоторые документы старше других на десятилетия. Если узлы одинаковы, это не значит, что они появились одновременно.

— Значит, мы не будем соединять их линиями, — сказала Мильхара.

— Тогда карта останется набором точек.

— Пока это честнее, чем придумывать маршрут.

Демьян провёл пальцем над бумагой, не касаясь её.

— Карта без линий выглядит незавершённой.

— Она и есть незавершённая, — ответила Мильхара. — Мы пока не знаем, что именно показываем.

Лиса впервые за утро улыбнулась.

— Именно поэтому я позвала вас.

За окном начал светлеть горизонт. Ночь уступала место утру, и в косом свете на карте проступили мелкие пометки, которые до этого почти терялись на бумаге.

Тридцать одна точка.

Семь неподтверждённых мест остались за пределами листа.

Ни одного доказанного маршрута.

Ни одного центра.

Мильхара взяла карандаш и написала в верхнем углу кар-

ты:

Рабочая схема. Связи не установлены.

Потом добавила ещё одну строку:

Сходство не доказывает общего происхождения.

Она отложила карандаш.

Впервые с тех пор, как они обнаружили название Палимпсеста, Мильхара почувствовала не только тревогу. Перед ними лежала задача, которую нельзя было решить одним магическим прикосновением, признанием виновного или уничтожением опасного устройства. Здесь не существовало единственного кабинета, где хранились все ответы. Не было одного человека, которого достаточно заставить говорить, чтобы прошлое стало ясным.

Возможно, именно поэтому исследование требовало от неё большего, чем прежде.

— Мы отправимся в Вельск, — сказала она. — Сначала установим, что там действительно произошло. Не то, что жители привыкли рассказывать, и не то, что нам подсказывает карта. Только то, что мы сможем проверить.

— А если обе версии окажутся неверными? — спросила Марфа.

Мильхара посмотрела на две даты в реестре.

— Тогда нам придётся выяснить, почему люди столько лет спорят между ними.

Она не добавила, что иногда вопрос о том, кто прав, оказывается менее важным, чем вопрос о том, кто и зачем сде-

лал невозможным сам разговор о прошлом.

Пока у них не было доказательств, что именно это произошло в Вельске.

Поэтому Мильхара не записала эту мысль в план.

Она оставила её там, где ей и следовало быть, — среди вопросов, на которые ещё предстояло найти ответ.

Глава 2. Город с двумя датами

До Вельска они добрались на третий день.
Первые два дня ушли на дорогу и подготовку. Демьян

сверял копии реестров с записями двух независимых архивов, Лиса проверяла происхождение каждого документа, который собиралась использовать, а Мильхара составляла план исследования, стараясь не включать в него ни одного предположения, которое пока нельзя было проверить.

Марфа занималась письмами местным жителям. Она не называла поездку расследованием магических вмешательств и не обещала людям, что приезжие восстановят утраченную истину. В письмах говорилось, что исследовательская группа изучает расхождения в исторических записях и хочет поговорить с теми, кто хранит семейные документы, воспоминания и свидетельства о старых событиях.

Ответили семнадцать человек.

Пятеро согласились встретиться лично. Четверо предложили передать копии документов, но отказались обсуждать их содержание. Трое написали, что приезжим здесь не рады. Остальные не дали определённого ответа.

Особенно коротким оказалось письмо от местного архивариуса:

Даты вы найдёте. Людей, которые помнят, что за ними стоит, — не обязательно.

Демьян перечитал его дважды.

— Это может быть обычным предупреждением о закрытости местного сообщества, — сказал он.

— Может, — ответила Лиса.

— Или человек знает, что именно мы ищем.

— Может.

— Или хочет, чтобы мы подумали, будто он знает.

Лиса подняла на него взгляд.

— Ты собираешься перечислять все возможные объяснения?

— Пока мы не выбрали одно из них, это полезное занятие.

— Тогда добавь ещё одно: он просто не любит незнакомцев.

— Добавил.

Мильхара сидела напротив, изучая карту Вельска. Поселение располагалось в долине между двумя невысокими горными грядами. Через него проходила река, на которой прежде работали мельницы. По старым планам здесь находились каменный мост, пристань и два жилых квартала, разделённых торговой площадью.

На современных схемах мост был отмечен как исторический памятник. Пристань исчезла. На месте одного квартала располагался новый рынок, а второй превратился в жилую улицу с узкими домами и общими дворами.

Сам город выглядел обычным.

Именно это настораживало Мильхару сильнее, чем если бы они увидели на въезде разрушенные стены или заброшенные дома. Аномалии редко выглядели так, как люди ожидали. Они могли годами существовать рядом с привычной жизнью, не привлекая внимания, потому что каждый отдельный человек знал лишь небольшую часть общей картины.

Поезд прибыл ранним утром. Воздух был влажным, над рекой лежал туман. У вокзала их встретил мужчина лет пятидесяти в тёмном пальто. Он держал в руке сложенный зонт, хотя дождя не было.

— Вы из исследовательской группы? — спросил он.

— Да, — ответила Мильхара. — Меня зовут Мильхара. Это Лиса, Демьян и Марфа.

Мужчина посмотрел на каждого по очереди.

— Я Олег Руднев, городской архив. Мне сообщили, что вы приедете. Сразу предупрежу: оригиналы документов выдаются только по установленной процедуре. Некоторые семейные материалы находятся у частных владельцев, и я не могу распоряжаться ими от имени города.

— Мы не ожидаем, что вы будете нарушать правила, — сказал Демьян. — Нам прежде всего нужны описи и сведения о происхождении записей.

— Описи у нас есть.

Руднев произнёс это так, словно речь шла о давно известном факте, который не нуждался в дальнейшем обсуждении.

— А объяснение двух дат? — спросила Мильхара.

Архивариус поправил ворот пальто.

— Объяснение тоже есть. Просто не все считают его правильным.

— Вы считаете?

— Я считаю, что архив должен хранить документы, а не решать за жителей, какую память им следует считать насто-

ящей.

Это был разумный ответ. Возможно, слишком разумный для человека, которому не раз приходилось отвечать на один и тот же вопрос.

Мильхара не стала настаивать.

— Тогда начнём с документов.

Руднев повёл их к центру города.

По дороге они прошли мимо площади, где рабочие устанавливали деревянные конструкции для ежегодного праздника. На длинных столах лежали доски, краска, верёвки и свёрнутые полотнища. На одном из них уже было написано: «День основания Вельска». Год пока не указали.

У фонтана спорили двое мужчин. Один держал в руках старую фотографию, другой — свёрнутый лист, похожий на копию из книги.

— Вы опять хотите перенести праздник? — спросил первый.

— Я хочу, чтобы мы перестали врать детям!

— Ты называешь ложью всё, что не совпадает с твоей семейной тетрадью.

— А ты называешь семейные свидетельства выдумкой, потому что тебе так удобнее.

Руднев не остановился, но его шаг стал быстрее.

Мильхара посмотрела на мужчин.

— Это из-за дат?

— Да, — ответил архивариус. — Они спорят почти каж-

дый год.

— Только они?

— Нет.

— А остальные жители?

— Одни празднуют одну дату, другие — другую. Большинство предпочитает не вмешиваться. Но в последние годы спор стал острее.

— Почему?

Руднев помолчал.

— Праздник собирает деньги. Город получает поддержку на восстановление исторических зданий. От даты зависит, какие события включают в официальную программу и какие семьи считают потомками первых поселенцев. Там, где появляется почётное место, всегда найдутся люди, которые захотят его занять.

Демьян сделал пометку.

— То есть спор имеет и практические последствия.

— Конечно. История редко остаётся только историей.

Они дошли до архивного здания. Оно располагалось в бывшем доме городского управления: два этажа, каменный фундамент, узкие окна и тяжёлая дверь с медной ручкой. Над входом сохранилась выцветшая надпись с датой постройки.

Мильхара задержалась у ступеней.

В камне возле дверного проёма виднелись две металлические пластины. На одной была выбита дата, на другой —

другая. Обе пластины выглядели старыми. На нижней сохранились следы коррозии, верхняя была потемневшей, но края её казались менее изношенными.

— Что это? — спросила она.

Руднев посмотрел туда, куда она указывала.

— Памятные даты. Их установили в разное время.

— Почему две?

— Одна связана со строительством первоначального здания, другая — с его восстановлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.